

Подоплека

За что воюют в Тегеране

Демонстранты в Иране вряд ли добьются смены режима. Но его ядерную бомбу они, похоже, уже спасли

Владимир Бейдер, Иерусалим

Мало где за событиями в Иране следят так пристально, как в Израиле. Иран — официально объявленный главный враг, отсюда исходит основная стратегическая опасность, туда устремлены все взгляды.

И теперь, когда у этого врага серьезные проблемы, израильтянам следовало бы испытывать «чувство глубокого удовлетворения», не меньше. Но никакого злорадства, лишь напряженное внимание. И вкрадчивое сочувствие.

Даже обычно скорые на язык израильские политики и высокопоставленные военные как воды в рот набрали.

Промохнулся ли Акела?

Самым неосторожным оказался глава Моссада Меир Даган.

На второй день после начала протестов в Тегеране он выступал перед комиссией конгресса по международным делам и безопасности, где заявил, что надежд на падение власти аятолл питать не стоит, режим справится с протестами легко и быстро. Наутро это стало главным заголовком всех газет. Но масштабы сопротивления в Иране росли. И журналисты набросились на генерала Дагана с бодростью волчьей стаи — «Акела промахнулся!»: мало того что революцию проспал, так еще и когда началась, не понял, что происходит, — это такой у нас Моссад? Это с ним мы собирались на войну?

Пикантность еще и в том, что на злополучном заседании парламентской комиссии по безопасности глава Моссада оказался в связи с предстоящим продлением его мандата еще на год. Трехлетний срок пребывания в должности главы разведки у Дагана истек уже три года назад, и каждый раз его оставляют еще на год, именно из-за предстоящего столкновения с Ираном. Не менять же на переправе коней, особенно такого коренного, как Даган, уж больно хорош отставной генерал в этой должности, в чем признается открыто уже третий премьер (случай для Израиля небывалый). И тут — такой конфуз!

Но упрямый генерал слов своих обратно не взял, причем мандат ему депутаты продлили, все равно как газет не читают.

Справедливости ради надо сказать, что израильские СМИ сейчас обвиняют в слепоте не только родной Моссад, но и все заинтересованные разведки мира, от ЦРУ и МИ-5 до египетской «Мухабарат» и почему-то КГБ. Вот, мол, истратили сотни миллионов долларов на

отслеживание ситуации в Иране, а нынешний взрыв оказался для них такой же неожиданностью, как некогда падение коммунистического режима в СССР.

Нельзя так огульно. Я, например, был заранее предупрежден.

Пять с лишним лет назад, когда отмечалось 25-летие исламской революции в Иране, я брал интервью у известного израильского дипломата Арье Левина (см. справку на стр. 20).

«В Иране уже происходят большие перемены, — сказал он тогда. — И в течение нескольких лет они приведут к падению нынешнего экстремистского правительства. Население Ирана к этому еще не готово, оно этого, возможно, еще не осознает, но это очень молодое население, половина — моложе 16 лет, и нынешняя власть никогда не сможет им дать тех свобод, которые они потребуют. Процесс необратим, они свергнут аятолл. И через 10–15, может, 20 лет Иран все равно вернется к тому пониманию своей стратегической роли на Ближнем Востоке, которое было у него во времена шаха».

— Ваш прогноз сбывается? — спрашиваю я Арье сейчас.

— Рано, — улыбается он. — Там пока лишь семейная драма. Это ее первый акт.

Ожидание того, что прежде однозначно враждебный Иран стоит на пороге больших перемен, в Израиле есть. Но — тихое. Единственное официальное высказывание на тему нынешних иранских событий прозвучало из уст самого премьера.

— Если власть в Тегеране переменится, — сказал Биньямин Нетаньяху в интервью немецкой газете «Бильд», — то появится шанс

Руководство Ирана оказалось не готовым к переменам, которые произошли в стране.

А молодежь и ее лидеры — к революции

воссоздать добрые отношения, которые ранее существовали между нашими странами.

Думаю, не только немцы, но и большинство израильтян

не поняли, о чем это он. Какие «добрые отношения»? Два поколения выросло в сознании, что Иран — заклятый враг и что так было всегда. Но на Ближнем Востоке ничто не ясно до конца и ничто не вечно: враги становятся друзьями, друзья — врагами, в процессе перехода совмещая порой обе эти функции в меру собственного понимания приличий. Однако даже на этом фоне перипетии отношений евреев и персов, Израиля и Ирана отличаются особым драматизмом и шекспировской непредсказуемостью.

Ракетная дипломатия

Иран, Персия занимают особое место в еврейской истории, еврейской традиции и национальном самосознании.

Некогда Персидской империи принадлежал весь Ближний Восток, включая землю Израиля, и все евреи были ее подданными. Персидский царь Кир, завоевав Вавилон, отпустил евреев из 70-летнего плена и разрешил им отстроить разрушенный Храм, с чего началось национальное возрождение. Самый веселый еврейский праздник Пурим (в который религия даже предписывает еврею выпить в хлам) отмечается по поводу событий, произошедших в персидской столице. В Персии, по крайней мере в Персидской империи, сложил-

ся еврейский религиозный канон, зародилась еврейская ученость, система образования, здесь был составлен Талмуд.

— Это страна богатейшей, оригинальной культуры, которая, кстати, была почти полностью уничтожена арабами, вторгшимися в Персию в VII веке,— говорит Арье Левин,— и иранцы это помнят. У них традиционная конфронтация с арабами за гегемонию на Ближнем Востоке.

По его словам, Реза-шах Пехлеви, отец свергнутого шаха, основатель династии (и, кстати, офицер казачьей дивизии, прекрасно говоривший по-русски.— «О»), придя к власти, старался следовать пути Ататюрка — создать сильный светский режим. Он лишил влияния мулл, стремился восстановить традиционную персидскую культуру. Железной рукой прекратил преследования евреев, и иранская еврейская община стала одной из самых процветающих на Востоке. Сегодня она почти вся репатриировалась на историческую родину, оставив родине «доисторической» все, что у нее было.

В Израиле у иранских евреев, которых называют персами (как нас — русскими), репутация самых способных в бизнесе, оборотистых и скупых. То есть, если на уровне анекдотов, они — евреи среди евреев.

При шахе у Израиля с Ираном не было официальных дипотношений (мусульманский монарх не мог позволить себе еще и такой вольности), но все остальное было, включая посольство,— с полным штатом, послом, посланником, военным атташе и представителем Моссада.

Арье Левин приехал в Тегеран посланником в 1973-м, еще не представляя, насколько он попал в нужное время и в нужное место. Через несколько дней началась тяжелая арабо-израильская война, а вскоре после нее арабские страны объявили эмбарго всем, имеющим сношения с «сионистским режимом». Грянул энергетический кризис. Цены на нефть взлетели до небес.

Шах никогда таких денег не видел. Он решил, что это его шанс сделать свою страну тре-

тней мировой сверхдержавой и первой на Ближнем Востоке. Он стал скупать новейшее оружие по всему миру, стремительно перевооружать армию — деньги есть!

Иранцы любят выставлять свои ракеты напоказ. Но о том, что первый завод по их производству строили израильтяне, не вспоминают

Персона

Посол из разведки

Арье Левин — дипломат, который восстановил дипотношения между СССР и Израилем,— родом из Тегерана

В Москве Арье Левина многие помнят как первого посла Израиля в России и в СССР — после восстановления дипотношений, разорванных на 20 с лишним лет в 1967-м. Это он провел великое переселение из страны социализма в страну сионизма и во многом благодаря его усилиями в Израиле теперь и вправду «на четверть наш народ». Большинство нынешних русскоязычных израильтян стояли в начале 1990-х в очередях за визами к его офису.

Трудно представить, как Арье провел эту операцию в незнакомой стране, начав в конторе с двумя телефонами, с неясным статусом руководителя израильской консульской группы при посольстве Нидерландов, а закончив главой самого популярного в Москве дипломатического представительства, изменившего национальный состав страны пребывания.

Посетителей Левин удивлял своим прекрасным русским. Но в России он был тогда впервые. Арье родился и вырос в Тегеране. Его отец при большевиках был начальником станции Конотоп, в 1924-м бежал в Палестину через Иран, где

и застрял, попав сначала в тюрьму, а потом став крупным лесопромышленником. Арье остался без матери еще в младенчестве, до семи лет его растила нянька — иранка-шиитка, он учился в обычной персидской школе, потом в американском международном колледже в Тегеране. Стал активистом сионистского движения, в 1950-м, в 20-летнем возрасте, репатриировался в Израиль. Ему предлагали стипендию Колумбийского университета в Нью-Йорке, но Арье предпочел остаться с большим отцом в Израиле. Пошел в армию. Его готовили для работы разведчиком-нелегалом в арабских странах. Дело шло к выпуску, когда случился самый позорный провал израильской разведки: в Египте накрыли сеть нелегалов — и полетели головы, премьер Бен-Гурион подал в отставку. И Арье заявил, что выходит из игры.

В наказание его отправили на самые тяжелые и непрестижные курсы пехотных офицеров. Он их окончил, но взводным пробыл недолго. В конце концов оказался аналитиком разведки Генштаба. Специализировался на неарабских мусульманских странах Ближнего Востока: Иран, Турция... Первым стал заниматься курдами. Израильтяне помогали курдскому сопротивлению в Северном Ираке противостоять режиму Саддама Хусейна, курды поставляли ценные данные разведки — Саддам уже начал заниматься ядерным оружием.

После 12 лет армейской службы Арье поступил в МИД. Налаживал связи Израиля с африканскими странами. Организовал первую репатриацию эфиопских евреев: создал лагерь беженцев при

посольстве и затем переправил их по воздушному мосту в Израиль — знаменитая теперь операция «Шломо» («Соломон») (эфиопские евреи считают себя потомками царицы Савской, одной из жен любвеобильного иудейского царя). Через неделю после Шестидневной войны его отправили в посольство в Париже налаживать почти разорванные отношения с французами — президент де Голль обиделся на израильтян за то, что те его не послушались и нанесли удар первыми. В ответ Франция объявила бойкот и эмбарго, что было существенно, поскольку до той поры не США, а Франция была основным поставщиком вооружения для израильской армии. Арье Левин растапливал лед личными контактами. Он не говорит, но, видимо, имел отношение к скандальным прорывам французского эмбарго: израильтяне выкрали чертежи французского «Миража» и стали выпускать на их основе свой самолет «Кфир», а также угнали из французского порта пять ракетных катеров, которые уже были оплачены, но французы отказались их поставлять израильтянам. Пришлось увести.

После войны Судного дня 1973 года Арье работал посланником в шахском Иране. Затем поступил в аналитический отдел МИДа, фактически разведывательное подразделение дипломатического ведомства. Занимался Ближним Востоком, Восточной Европой и Северной Америкой. В первой половине 1980-х был заместителем представителя Израиля в ООН. После чего возглавлял аналитический отдел МИДа, пока не получил назначения в Москву.

Израильские ВВС в состоянии нанести удар по Ирану. Но израильские аналитики считают, что в этом больше нет смысла

А израильтянам нужна была нефть. И единственным ее поставщиком оставался Иран. Был построен даже нефтепровод из Ирана в Эйлат — так выросли объемы поставок. Но нужны были и деньги. Много больше денег, потому что, хотя Арье и удалось договориться с шахом о скидке, но от новой высокой кризисной цены. А деньги можно было выручить только на оружии.

Иранцам очень понравились израильские ракеты дальнего радиуса действия «Йерихо». Они предложили не возиться с поставками, а построить завод по их производству в Иране. Грандиозная сделка, на сотни миллионов долларов.

На совещании у министра иностранных дел Моше Даяна Арье возражал против сделки.

— Помните: это мусульманская страна и это ракеты, всякое может случиться.

— Ты знаешь другой способ заработать такие деньги? — возразил ему Даян.

Арье не знал. Контракт был подписан, завод приступил к строительству. Планировалось начать с ракет дальностью 500–800 км, а дальше — больше.

Только осенью 1978 года — до прихода к власти Хомейни оставалось полгода — в Израиле заметили, что волнения в Иране подозрительно долго тянутся. И заморозили строительство.

К баллистическим ракетам типа «Шихаб», которыми аятоллы собираются угрожать всему миру, они, кружным путем, через Северную Корею, добирались ценой огромных затрат почти три десятилетия. Им бы стоило на полгода позже начать революцию — получили бы все готовым еще тогда, по отработанной израильской технологии. И по Израилю бы пульнули.

В шаге разминулись.

Кстати, как рассказывает Левин, разминулись еще однажды. Во время революции пос-

ле захвата посольства США, в котором участвовали и нынешний президент Ахмадинежад, и взятия в заложники американских дипломатов, толпы, ведомые стражами исламской революции, бросились к посольству Израиля. Они ворвались туда всего через 10 минут после того, как израильтяне покинули здание.

Бомба будет, война — нет

— Это не бархатная революция, — говорит дипломат Арье Левин по поводу происходящего сегодня в Иране. — У протестующих нет главного, что требуется для любой революции, даже восстания: нет организации, нет программы, ясной цели, к которой стремятся, нет денег, нет вождя, бывший премьер Мусави не в счет, это не серьезно. Демонстранты даже не требуют отмены исламского режима, они другого не

— Нет, все гораздо глубже. Правящий класс усомнился в мудрости правления Ахмадинежада. Стало понятно, что он вел неправильную внутреннюю политику и пошел на слишком большие риски в политике внешней.

— **Насколько быстро этот процесс может привести к смене режима? И приведет ли вообще?**

— Я не вижу признаков смены режима. Но я вижу много признаков того, что сам режим должен измениться, если он хочет удержать власть в своих руках. Аятоллы начинают понимать, что это не тот мир, в котором они родились. Есть брожение и среди самих аятолл. Зреет недовольство Хаменеи, есть большие сомнения насчет того, должна ли религия, даже если это шиитская религия, управлять страной. И это еще даст свои результаты через некоторое время. Я уверен, что они могут удержать власть еще долго, до тех пор, пока народ не сумеет организовать и найти лидеров, которые ему нужны. Но это лишь вопрос времени.

— **Как себя должны вести в это время Запад, Израиль?**

— Израиль, как и США, как Великобритания и Франция, должен сидеть и молчать. Это не их дело. Будет Ахмадинежад — ну еще несколько лет он продержится и уйдет в исто-

Два поколения израильтян выросло в сознании, что Иран — заклятый враг. Но на Ближнем Востоке враги становятся друзьями, друзья — врагами, порой совмещая обе функции

знают, он их устраивает. Им просто надоела нынешняя власть.

Режим аятолл традиционно держался на двух основах — теократии и демократии, между ними был баланс. Эти выборы показали, что демократию у них отняли, осталась только теократия, и вот с этим-то молодежь не желает мириться. Они хотят жить так, как им хочется, как они видят в интернете, а не так, как велят аятоллы. Руководство страны оказалось не готовым к переменам, которые произошли в стране. Очень вырос средний класс. Множество людей покинуло деревни, переселилось в города, а там нет работы, высокая инфляция. Жизнь становится хуже, а не лучше.

К тому же — раскол и в духовном руководстве, среди мулл. Соперничество между Рафсаджани и Хаменеи. Хаменеи готовит своего сына Моджтаба себе в преемники. Младший Хаменеи был очень активен на прошлых выборах, в 2005-м, когда впервые привел к власти Ахмадинежада, и сейчас он тоже постарался, но уже слишком — фальсификация заметна по всем параметрам.

— **То есть элементарное столкновение кланов?**

Будет такой лидер, как Мусави, — резко сменится риторика. С ним можно будет разговаривать Западу. Хотя суть режима останется прежней.

— **А центрифуги в это время крутятся, и пока мы будем беседовать с приятным иранским лидером, у Ирана появится ядерная бомба?**

— До бомбы они доберутся все равно. Но с другим лидером такой политик, как Обама, сможет договориться о каких-то принципах или хотя бы о понятиях.

— **А если останется Ахмадинежад? Теперь, после всплеска народного недовольства в Иране, никто не даст Израилю добро остановить вооружение Ирана ядерным путем.**

— Все эти разговоры о том, что Израиль в состоянии предотвратить получение Ираном атомной бомбы, только разговоры. Я не могу представить себе израильские ВВС, которые летят куда-то в Иран, который более чем в три раза больше Франции, с населением свыше 70 миллионов человек, чтобы разбомбить там 15–16 ядерных объектов. Мы не можем это делать. Мы не должны это делать. А те, кто говорят, что мы это сделаем, просто лгут. ■